

Проблемы русской колонизации Закубанья на заключительном этапе Кавказской войны (1860–1864 годы)

И. М. Скибицкая

В статье отражена сущность политики русского командования в процессе колонизации Закубанья в конце Кавказской войны.

Ключевые слова: колонизация Закубанья, Кавказская война, казачество.

Заселение казаками Закубанья и Черноморского побережья стало важнейшей составляющей стратегии русского командования в войне на Северо-Западном Кавказе в 1860–1864 годах. Казачья колонизация должна была служить действенным средством в достижении основной цели – покорении горцев и прекращении их набегов. Такой смысл вопросу колонизации стали придавать с момента назначения в 1856 году главнокомандующим Кавказской армией князя А. И. Барятинского. Он понимал, что заселение Закубанского края займет несколько лет и должно будет проводиться в значительных масштабах.

Поскольку предстояло решить основной вопрос: где взять необходимое количество переселенцев, детальную разработку проекта колонизации князь поручил новому начальнику Кубанской области генералу Н. И. Евдокимову. Уже 14 ноября 1860 года генерал предоставил главнокомандующему подробный план, согласно которому все горцы выселялись на равнины, прилегающие к левым берегам Кубани и Большой Лабы. Нагорные и предгорные места заселялись казаками. На всем пространстве между Лабой и восточным берегом Черного моря, по предгорьям и в нагорной части, граф Евдокимов планировал обустроить

порядка 50–60 станиц с населением 200–300 семей в каждой. Всего, по его мнению, процесс покорения горцев мог продлиться пять лет, ежегодно должно было «водворяться» в среднем до 12 станиц (от 300 до 360 семей). Для заселения 60 станиц в Закубанье было необходимо 18 000 семей (90 000 душ обоего пола). Он подсчитал, что только во внутренних станицах 1-й и 4–6-й бригад Линейного войска проживали 20 000 семей (100 000 душ), этого было достаточно для заселения Закубанья. Однако возлагать всю тяжесть колонизации на линейцев Евдокимов не хотел и предложил А. И. Барятинскому взять на переселение от Линейного войска 40 000 и от Черноморского 45 000 душ обоего пола, а в Натухайский округ переселить Азовское казачье войско, насчитывающее 4740 душ мужского пола. Чтобы уложитьсь в рамки предложенного пятилетнего срока, Евдокимов считал необходимым начинать с 1862 года в течение четырех лет переселять с Дона по 1000 семей в год. Граф был уверен, что в противном случае (при использовании старой практики) процесс заселения мог затянуться на двадцать лет.

Общее количество затраченных средств на водворение 60 станиц должно было составить 1 338 068 руб. [1].

В апреле 1861 года главнокомандующий фельдмаршал А. И. Барятинский отдал по Кавказской армии приказ о постройке за Кубанью новых станиц и переселении туда, фактически поголовно, жителей старых станиц Кубанской области. К переселению готовили станицы Щербиновскую, Конеловскую, Спицевскую, Сергиевскую, Александровскую, Круглолесскую и Грушевскую. В связи с необходимостью заселения большим числом казачьих семей предгорий по обоим скатам Кавказа от Лабы до Анапы главнокомандующий распорядился вовлекать округа по очереди: начать с Ейского, как наиболее удаленного от театра военных действий, затем перейти к Екатеринодарскому и Таманскому [2]. Чтобы осуществить столь масштабный проект колонизации, А. И. Барятинский стремился создать новое казачье войско, способное безропотно выполнять любые приказы военного командования. В октябре 1860 года им был подготовлен проект реорганизации казачьих войск, согласно которому Черноморское казачье войско переименовывалось в Кубанское казачье войско, в его состав поступали первые шесть бригад Кавказского линейного войска, а остальные бригады образовывали особое войско, получившее название Терского [3]. Видный кубанский историк П. П. Короленко отмечал, что по проекту Барятинского Черноморское и Кавказское линейное войско не только были «перетасованы как колода карт», но и лишиены своего названия [4].

Черноморцы не могли смириться с возможностью отрыва от земель, дарованных Екатериной II их дедам, и переселением целых станиц в горы. Начались волнения. Сопротивление правительству оказывали и казаки-линейцы 1-го Хоперского полка, также не хотевшие переселяться за Лабу. Таким образом, масштабное переселение, намеченное на 1861 год, было сорвано. Разочарованный император вынужден был утвердить подготовленное графом Н. И. Евдокимовым распоряжение об отмене переселения за Кубань станиц 1-го Хоперского и Ставропольского полков, а также 770 семей из Ейского округа. Кроме того, военное руководство вынуждено было пойти на определенные уступки, чтобы разрядить ситуацию и привлечь как можно больше охотников из числа казаков. В итоге распоряжение о размещении в Кубанской области в 1861 году 17 новых станиц было отменено и принято решение основать только восемь станиц: на Кубани – Усть-Джегутинскую и Верхне-Николаевскую; на Большой Лабе – Каладжинскую, Псеменскую и Ахметовскую; на Малой Лабе – Андрюковскую; на р. Ходзь – Переправную; на р. Фарс – Нижне-Фарскую [5]. Затем решили водворить в Закубанье еще три станицы помимо запланированных (Кужорскую – на левом берегу р. Серале, близ впадения в нее рек Несебс и Феш; Губскую – на р. Губс; Промежуточную – на левом берегу р. Ходзь, при выходе из теснины Ирисского ущелья [6]).

К концу марта 1862 года Адагумским отрядом было окончено возведение 12 станиц в Натухайском округе. Для их занятия планировалось переселить из Кубанского казачьего войска 19 офицерских и 1500 казачьих семей, из Азовского войска – две офицерские и 200 казачьих семей, из регулярных войск – 110 семей женатых нижних чинов. По решению Войскового правления, переселенцев от Кубанского войска набирали из трех округов бывшего Черноморского войска (Таманского – девять офицерских и 528 казачьих семей, Екатеринодарского – семь офицерских и 288 казачьих, Ейского – три офицерские и 684 казачьи семьи). Жители упраздненной станицы Темрюкской Таманского округа (три офицерские и 307 казачьих семей) отправлялись в станицу Варениковскую. Заселение этих станиц граф Евдокимов поручил начальнику Адагумского отряда генералу Бабычу [7]. Летом 1862 года было завершено строительство 13 станиц в районе Лабинского округа и окончательно заселено пространство восточнее р. Белой [8], а в декабре того же года были водворены еще две станицы в Кубанском войске – Гиагинская и Пшехинская [9].

В течение лета 1863 года завершилась колонизация к востоку от Адагумской

линии до р. Иль и далее между руслами рек Белой и Пшиш. Всего на этом пространстве основали 21 станицу, переселив 33 офицерские и 3494 казачьи семьи Кубанского и Азовского войск [10].

В отличие от предыдущих лет колонизация 1864 года являлась, по замечанию командования, «домашним и внутренним делом Кубанской области». Предполагаемые к возведению станицы образовали на северном склоне два конных полка – Псекупский и 27-й, а на южном склоне – Шапсугский береговой батальон. Кроме того, часть станиц поступала в состав 24-го и Абинского полков. В апреле 1864 года было определено окончательное число переселенцев для этих станиц. На северном склоне: из бывшей Черномории – 1000 семей; из четырех бригад Кубанского войска – 1000; женатых нижних чинов – 217; государственных крестьян – 1000; Донского войска – 200; Азовского войска – 327; Эзень-Амских поселян – 85 семей; один крестьянин; один русский, сбежавший из горского плена. На южном склоне: из бывшей Черномории – 300 семей; от 4-й бригады Кубанского войска – 125. (Всего – 4256 семей.) Кроме того, для размещения в новых станицах направлялось: офицерских семей из состава Кубанского казачьего войска – 35, из регулярных войск – пять и священников с причтами – 21 [11].

В ходе колонизации 1864 года было занято все пространство на северном склоне от р. Афипс до Пшиша и на южном склоне – от Геленджика до Туапсе. Основание этих поселений существенно укрепляло позиции России на Западном Кавказе. Из донесения командующего войсками Кубанской области Н. И. Евдокимова следует, что в течение года на колонизированном пространстве было «возведено 52 станицы и три поселка с расселением в них 4374 семей разного рода переселенцев: казаков Кубанского войска – 2438, Донского – 200, Азовского – 339, Оренбургского – 425, Уральского – 1, женатых нижних чинов Кавказской армии – 217, государственных крестьян по назначению начальства – 477, временно обязанных крестьян войска Донского – 17, охотников разных сословий – 12, мещан города Николаева и отставных служащих матросов – 166, при 43 офицерских и 31 священнических» [12]. Из станиц, возведенных на северном склоне, как и планировалось, были сформированы два отдельных конных полка; в состав 27-го полка вошло 19 станиц, расположенных между реками Пшишем и Псекупсом, в состав Псекупского полка – 15 станиц и три поселка между Пшишем и Афипсом. К Абинскому полку были присоединены четыре станицы, расположенные на реках Или Убин, к 24-му – две станицы на реках Белой и Сохрае. Шапсугский береговой полк образовывали 12 станиц

южного склона.

Чтобы ускорить процесс переселения и обеспечить казаков добротным жильем до наступления зимы, в станицах, где был недостаток мастеровых и плотников, по распоряжению графа Евдокимова разместили регулярные войска. Для обеспечения переселенцев продовольствием устанавливались его выдача из ближайших войсковых магазинов. По прибытии на место переселенцы получали пособие от правительства. В каждом новом полку учреждались лечебные округа, в них, в свою очередь, открывались аптеки, которые снабжались медикаментами. В новые станицы для обеспечения духовных потребностей переселенцев направлялись священники.

Осуществляя все эти меры, командующий войсками Кубанской области Н. И. Евдокимов был уверен, что население, «водворенное в богатых долинах обоих склонов хребта», несомненно, должно благоденствовать [13]. Однако реальность оказалась более суровой, а последствия переселения для отдельных станиц просто трагичными. П. П. Короленко отмечал, что русское правительство, осуществляя колонизацию, «не обращало внимания на удобство устройства станиц, у него были иные стратегические цели – вытеснить колонистами туземных жителей черкесских племен, гнездившихся нередко в самых неудобных и даже малодоступных местах Закубанья, и там заселить казаков» [14].

Топографическое положение Закубанского края с южной стороны Кавказского хребта было не самым лучшим для расселения казачьих станиц. Данная местность включала в себя горы, ущелья и крутые спуски к берегу Черного моря. По замечанию П. П. Короленко, станицы Кушинская, Тубинская и Хребтовая оказались просто в бедственном положении.

Например, в станицу

Кушинскую из-за полного отсутствия путей сообщения провиант можно было доставить только в сухое время года. Жители станицы Хребтовой, расположенной в горной котловине, видели солнце, выходившее из-за гор, только около полудня. Если проблема, связанная с нападениями горцев на казачьи станицы, фактически была устранена к концу войны, то особенности среды обитания и проблема снабжения оказались ключевыми в процессе колонизации Закубанья.

Популярное среди историков Кавказа мнение о том, что русское правительство отобрало у горцев в процессе колонизации лучшие земли, не соответствует в полной мере действительности. В станицах, расположенных с южной стороны Кавказского хребта, хлебопашеством

могло было заниматься только в низменных местах, преимущественно в ущельях горных рек. Однако разливы этих рек весной могли полностью уничтожить будущий урожай. К примеру, жители станицы Фанагорийской регулярно весной и осенью сеяли хлеб в течение трех лет (1864–1867), но получили только пятую часть высеванного ими зерна.

Суровые условия обитания становились проблемой для развития животноводства. На момент заселения в 1864 году жители станицы Фанагорийской имели достаточное количество скота, которое за пять лет жизни в горах уменьшилось более чем в пять с половиной раз. Еще в более тяжелом положении оказались жители, расселенные за нагорной полосой на самом южном склоне Кавказского хребта. Станицы, расположенные у берега моря, первоначально имели только морское сообщение с краем. Проблема бездорожья порождала проблему снабжения, жизнь в этих станицах поддерживалась за счет казенного провианта [15]. Не менее тяжелая ситуация была в нагорных станицах на северном склоне Кавказского хребта. По свидетельству П. П. Короленко, «такие станицы представляли собой своего рода тюрьмы; горные кряжи подступали к самой станице, и солнце показывалось из-за них только на несколько часов в день» [16]. В таких станицах возникла проблема содержания вдов и сирот в связи с высокой смертностью.

По окончании Кавказской войны в новые станицы для осмотра был командирован генерал-лейтенант П. Д. Бабыч. Итогом его поездки стал доклад наказному атаману Кубанского казачьего войска Ф. Н. Сумарокову-Эльстону об устройстве усадеб и бедственном положении переселенцев. Вслед за этим была создана комиссия под председательством генерала В. А. Геймана, которая пришла к выводу о необходимости упразднения отдельных станиц по топографическим и климатическим условиям [17]. По мнению П. П. Короленко, причинами, тормозившими обустройство переселенцев, были «болезни и бессилие». Черноморцы, домовитые по своей природе, попали в тяжелые для жизнедеятельности климатические условия. Подтвердилась правота черноморского казака, заявившего великому князю Михаилу Николаевичу во время его поездки по побережью, что «для поселения людей выбрано место не преподобное» [18].

В июле 1865 года вышел приказ военного министра «О упразднении некоторых станиц в Кубанском казачьем войске». В их числе были станицы Мингрельская и Грузинская Абинского полка и Чилипсинская Шапсугского берегового пешего батальона, жителей которых расселили по

близлежащим станицам того же полка и батальона. Жителей упраздненной станицы Тубинской 27-го конного полка переселили в станицу Кушинскую, причисленную уже к 26-му конному полку Кубанского казачьего войска [19].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в ходе масштабной колонизации за период с 1861 по 1865 год было основано более 100 станиц, заселенных из состава казачьих войск (в первую очередь Кубанского), а также солдатами и крестьянами различных губерний России (в том числе малороссийскими казаками и крестьянами Полтавской, Воронежской, Харьковской и Черниговской губерний), зачисленными в казачье сословие. При этом командование старалось по возможности селить черноморских и азовских казаков (т. е. украинцев) в перемешку с русским казачьим элементом, хотя казаки хотели селиться с учетом этнокультурных особенностей. Власти преследовали цель скорейшей этнокультурной ассимиляции, чтобы не допустить каких-либо сепаратистских выступлений, опасаясь повторения событий мая 1861 года, когда был сорван план генерала Н. И. Евдокимова по переселению части казаков в предгорья и горы. Ежегодно на передовых линиях возводилось более 10 станиц, управление которыми учреждалось по типу бывшего Кавказского Линейного казачьего войска. В свою очередь, из этих станиц создавались полки и бригады с полковым управлением и отдельной территорией.

Литература и источники

1. Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. // Кубанский сборник Т. XVI. Екатеринодар, 1911. С. 311–316.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 347. Оп. 1. Д. 44. Л. 9–10.
3. Там же. Д. 38. Л. 4.
4. Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань ... С. 32.
5. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Т. 12. С. 915–917.
6. Там же. С. 934.
7. Кияшко И. И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска: ист. очерк // Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1909. С. 384–385.
8. АКАК. Т. 12. С. 1005.
9. ПСЗ. Собр. 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 39011.
10. Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи в 20–70-е гг.

- XIX в. Нальчик, 2001. С. 206–208.
11. ГАКК. Ф. 249. Оп. 5. Д. 35. Л. 29–31.
12. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874).
Нальчик, 2003. С. 194–195.
13. Там же. С. 197.
14. Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. ... С. 394.
15. Там же. С. 395–397.
16. Там же. С. 402.
17. Там же. С. 389.
18. Там же. С. 397–398.
19. ПСЗ. Собр. 2. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 42356.

<https://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=2982>